

Из-за госпожи Юй и Ань Сяньюй Ань Чанцин никогда не считал, что женщины в чем-то уступают мужчинам. С познаниями Ань Сяньюй, не будь она девушкой, ей бы ничего не стоило сдать императорские экзамены. Понимая чужие чувства, Ань Чанцин находил, что этот мир слишком суров к женщинам, и потому предложил открыть Женскую школу, надеясь дать девушкам на границе возможность учиться грамоте и развивать ум. Предлагая это, он ожидал сопротивления, но, к его удивлению, несколько стариков-чиновников, казавшихся закоренелыми консерваторами, вовсе не возражали, а, взвесив все, выразили согласие. В глазах знатных семейств Ецзина Яньчжоу был лишь бедной, суровой и дикой глушью. Но именно здесь, где не было удушающих правил и условностей, бытующих в столичном обществе, витал дух куда большей свободы и терпимости, чем в Ецзине. Когда план доработали, Женские школы начали открываться одна за другой. На занятия приходило немало девушек, однако учителей не хватало, поэтому власти вывесили объявления о найме наставниц.

Даже если бы Ань Сяньюй не заговорила об этом сама, Ань Чанцин и так собирался при случае спросить ее мнение. Девушка была очень образованна, и запираť ее в глубине пышного поместья означало попусту губить ее талант. Заметив на ее лице тревогу, Ань Чанцин мягко коснулся ее головы и произнес с теплотой:

— Женская школа только-только открылась. Если пойдешь туда, придется несладко. Ты точно все обдумала?

— Обдумала, — твердо кивнула Ань Сяньюй.

Глядя на нее, Ань Чанцин понимал, что она взвешивала это решение давно и лишь сегодня набралась храбрости заговорить. В прошлой жизни он не смог уберечь младшую сестру, но в этой вовсе не стремился поскорее выдать ее замуж — ему хотелось лишь, чтобы она жила легко и счастливо. С их с Сяо Чжигэ влиянием и положением даже если Ань Сяньюй вовсе не выйдет замуж, никто не посмеет бросить в ее сторону дурного слова.

— Завтра я сам отвезу тебя, — с мягкой ободряющей улыбкой сказал Ань Чанцин. — Замечательно, что у тебя появилось дело, к которому лежит душа.

Ань Сяньюй ожидала, что за столь дерзкую мысль мать и брат поднимут ее на смех или прочтут нотацию, и ни за что не думала, что брат согласится так легко, а матушка и слова не скажет против. Она удивленно распахнула глаза, а затем улыбнулась, сжав губы; взгляд ее просиял от радости.

.....

Ань Чанцин сдержал слово и на следующий же день лично отвез сестру в Женскую школу.

Ректором школы была сорокалетняя наставница — в прошлом известная в Яньчжоу поэтесса. Овдовев и не имея детей, она вела уединенную жизнь. Когда Женскую школу открыли, ее попросили возглавить учебное заведение. Чтобы поступить в школу в качестве учительницы, Ань Сяньюй нужно было пройти ее испытание.

Ань Чанцин приехал лишь для того, чтобы поддержать сестру, и вовсе не собирался пользоваться своими связями. Поэтому, привезя ее, он остался ждать в главном зале, а девушка отправилась во внутренние покои вслед за ректором.

Не прошло и десяти минут, как в зал вальяжно вошел Ци Вэй, таща за собой Се Лина.

— Вы-то что здесь делаете? — Ань Чанцин изогнул бровь, смерив взглядом Ци Вэя.

Ци Вэй расплылся в глуповатой улыбке, но заговорил с полнейшей серьезностью:

— Услышав, что госпошня Ань хочет стать наставницей в Женской школе, мы прониклись глубочайшим почтением и пришли взглянуть!

Стоявший рядом Се Лин косо посмотрел на него: его-то явно притащили силой.

Ань Чанцин смерил Ци Вэя многозначительным взглядом и жестом пригласил гостей присесть и подождать.

Вскоре появился еще один гость. На этот раз пришел Чжоу Хэлань. С привычным бесстрастным лицом, заметив Ци Вэя и Се Лина, он лишь слегка блеснул глазами, выпрямил спину и чинно сложил руки в приветствии:

— До меня дошли слухи, что Женская школа только открылась. У меня как раз припасена партия туши, кистей и бумаги, которую я еще не успел продать. Желаю пожертвовать ее школе, чтобы внести посильный вклад.

Ань Чанцин насупился, испытующе разглядывая его. Чжоу Хэлань слегка опустил голову, не выражая никаких эмоций.

Догадка, которую Ань Чанцин вчера подавил в себе, снова всплыла на поверхность, хотя он и не был ни в чем уверен. Он слегка кивнул Чжоу Хэланю и предложил ему присесть.

Прождали они около получаса, прежде чем Ань Сяньюй вышла вместе с ректором. Увидев в зале троих неожиданных гостей, обе женщины искренне удивились.

Ань Чанцин кратко все объяснил. Узнав, что Чжоу Хэлань хочет пожертвовать кисти и бумагу, ректор заметно потеплела и искренне поблагодарила его.

Ань Сяньюй, стоявшая подле ректора, на миг подняла сияющий взгляд на Чжоу Хэланя, но тут же скромно опустила глаза и поклонилась ему.

Чжоу Хэлань лишь произнес: «Не стоит благодарности», — и отступил за спину Ань Чанцина.

Ци Вэй, недовольный тем, что его обделили вниманием, шагнул вперед и щедро заявил, что тоже хочет пожертвовать серебро. В школе сейчас не хватало решительно всего, так что ректор с радостной улыбкой приняла и его помощь.

Ци Вэй попытался украдкой посмотреть на Ань Сяньюй, но девушка даже не глянула в его сторону, тихонько подойдя к Ань Чанцину.

Ци Вэй: «...»

Когда они прощались, Ци Вэй ухватился за рукав Се Лина и с искренней болью в голосе спросил:

— Неужели я сегодня недостаточно хорош собой? Почему госпошня Ань даже не взглянула на меня?

Се Лин безглаголиво отстранился и посмотрел на него со смешанным чувством жалости и иронии:

— Возможно, ее сердце уже занято.

Ци Вэй вытаращил глаза:

— Заткнись и не каркай!

Не желая с ним спорить, Се Лин взглянул на него как на дурака:

— В будущем даже не проси меня выпить с тобой.

В середине девятого месяца Ань Сяньйой официально приступила к работе в Женской школе. Помимо преподавания, ей приходилось помогать ректору с организационными делами. Вскоре девушка настолько погрузилась в работу, что перебралась жить прямо в школу и возвращалась домой лишь в декадные выходные.

Чжоу Хэлань пробыл в Яньчжоу несколько дней, после чего отправился на запад в Лянчжоу, возглавив торговый караван, сопровождавший вторую партию необработанных камней фэйцуй на юг.

В этот раз он привез в Яньчжоу шестьдесят процентов прибыли от продажи камней фэйцуй. Сумма оказалась настолько огромной, что Ань Чанцин ахнул. Дохода лишь от одной этой партии хватало на содержание десятков тысяч воинов Яньчжоу — богатые южные края поражали своим процветанием.

Все это Сяо Чжигэ позже рассказал Ань Чанцину. Правда, закончив, он глубоко вздохнул и добавил, что югу тоже осталось радоваться миру недолго.

Ань Чанцин удивился, и Сяо Чжигэ принялся по порядку объяснять ему суть дела:

— Южные округа и земли давно прибрала к рукам местная знать. Даже у властей и гарнизонов связаны руки. В руках этих родов сосредоточены практически все южные земли, а простым крестьянам остается лишь арендовать их. Каждое лето и осень большую часть урожая приходится отдавать землевладельцам, и лишь жалкая малая доля остается на пропитание.

Юг действительно процветал, однако богатели там исключительно влиятельные землевладельцы. Не зря же привезенные необработанные камни фэйцуй за столь короткий срок вызвали такой ажиотаж — пресытившимся богачам приелись старые забавы, и при виде эдаковинки они готовы были сорить деньгами и перебивать ставки на торгах ради развлечения и бахвальства перед соседями.

Если бы такое положение дел сохранялось и дальше, юг, возможно, еще какое-то время наслаждался бы покровом спокойствия. Однако, отправляясь на север, Чжоу Хэлань слышал, что в этом году на юге стоит засуха, дождей почти нет, и урожай обещает быть скудным. А если случится неурожай, простые крестьяне не смогут даже прокормить себя, и тогда неизбежно вспыхнут смуты.

В прошлой жизни Ань Чанцин ничего не слышал о бунтах на юге, но и без того было ясно: если один за другим пылают восстаниями северные земли, разборки не обойдут и южные.

И все же он никак не ожидал, что предсказание Сяо Чжигэ сбудется настолько быстро.

В конце девятого месяца от Чжоу Хэланя пришли вести: в округах Гуанпин, Цинхэ и Динъань народ поднял восстание. На этот раз бунт оказался куда более кровавым и жестоким, чем

волнения в Сышуе.

Крестьяне на юге годами терпели гнет и поборы знатных землевладельцев. Из-за осеннего неурожая арендаторы не просто остались без крупы зерна, но и увязли в долгах. Привыкшая угнетать простой люд знать не проявила ни капли сострадания перед лицом стихийного бедствия. В тяжелый час богачи стали еще более жестокими: ко всем, кто не мог заплатить за аренду земли, применили кабальный процент «Янгао».

Процент «Янгао» заставлял возвращать вдвое больше занятого. Неподъемное бремя окончательно загнало несчастных тружеников в тупик.

Южане отличались от бывшей армии «Байдин» из Сышуя. Воины армии «Байдин» ненавидели непомерные налоги и повинности, установленные двором, и, подняв мятеж, расправлялись лишь с местными уездными управами да сговорчивыми богачами. Южане же до глубины души презирали местную знать, терзавшую их края. Поэтому, восстав, они первым делом стали под корень вырезать богатые семейства, деля их имущество и запасы зерна.

Опомнившиеся землевладельцы и отряды повстанцев сошлись в нежизненной схватке. В южных округах реки текли кровью, а земли были усеяны трупами. Местные же власти, погрязшие в коррупции и годами плясавшие под дудку богачей, оказались абсолютно беспомощны и не могли ни на что повлиять. Им оставалось лишь отчаянно молить императорский двор о помощи.

<http://bllate.org/book/18381/1767844>